

120 идиотских ударов в минуту

Роман Качанов (в центре) трудится над завершением «Даун Хауса».

В начале прошлого года в титрах художественной ленты появилось: «Режиссер Роман Качанов, авторы сценария Иван Охлобыстин и Роман Качанов». Лето, «Кинотавр», и впервые в его истории одной ленте достались призы гильдии критиков и жюри ФИПРЕССИ. И обрывки разговоров в метро, на улице: «Ты «ДМБ» смотрел?».

Полгода назад к творческому дуэту присоединился Федор Бондарчук, ребята стали работать над новой лентой — «Даун Хаус». И тут же повсюду возникли вопросы, и тут же захотелось услышать на них ответы от самого Романа Качанова.

— Что значит Охлобыстин в соавторстве, как числится в титрах? Вы что, по строчке в строгой очереди пишете?

— У нас просто очень старая тренировка. Я думаю, что ни я, ни Ваня не умеем работать в соавторстве с другими гражданами, а если умеем, то тщательно это скрываем. А технология предельно проста: один соавтор лежит на диване и дает ЦУ, а второй занимается скорописью. Мне больше нравится лежать на диване, Ване тоже. Но мы при этом не ссоримся.

— Проснулись ли вы после «ДМБ» знаменитым?

— Случилась очень странная история. Я запустил новый фильм в тот момент, когда «ДМБ» как-то малопонятно прокатывался весной по кинотеатрам. И информация о моей знаменитости приходила ко мне через третьих лиц: кто-то что-то где-то читал, слышал. Короче говоря, после «ДМБ» проснуться толком не получилось, потому как я ушел в другой сон — «Даун Хаус».

— Не жалко было отдавать Александру Басову режиссуру «ДМБ-002»?

— Я стал снимать новое кино и необходимости делать продолжение «ДМБ» я не ощутил. С одной стороны, подделка под тебя — это неприятно, если ты еще жив, с другой стороны, это, наверно, какой-то уровень признания.

«Никита» же существует разная — первоисточник Люка Бессона, а продолжение — других режиссеров. Другое дело, что после энной серии первоисточник под угрозой расстрела смотреть не захочешь. История пошла в тираж, но такие времена, такие нравы. Я бы не стал пускать в тираж «ДМБ» — раз, два, три, четыре, «ДМБ» возвращается, «ДМБ» жив»...

«Даун — человек, страдающий болезнью Дауна, в просторечии идиот. Хаус — модное течение в танцевальной молодежной музыке конца XX века» — так переводят название фильма авторы. По-

другому этот фильм можно было бы назвать «Идиот — 120 ударов в минуту». Неожиданная современная интерпретация великого романа Достоевского. Сейчас режиссера Романа Качанова волнует, что же «оставить жить» в кадре. Пленка отснята, озвучена, заканчивается монтаж.

— Отличаете ли вы для себя «ДМБ» и «Даун Хаус»?

— Пожалуй, нет. Это одна история, которая каким-то образом трансформируется.

— О вашей творческой троице Охлобыстин—Качанов—Бондарчук в прессе пишут достаточно много, не забывая давать одно-два сложные характеристики: Охлобыстин — ортодокс, Качанов — ДМБ, Бондарчук — человек с лысиной. Если бы характеристики давали вы, как бы эта схема выглядела?

— Ваня — человек с животом, я — человек с длинными волосами, а Федя — очень коротко стриженный.

— Если бы вы были животными, то какими?

— Ваня был бы птицей (не орлом), Федя — приматом, а я медведем.

«На самом деле все фильмы делаются о себе. В какой-то момент ты вырываешься наружу. А в остальные моменты говоришь о себе через уста других героев», — признается режиссер, он же актер. А роли «под себя» Роман Качанов и Иван Охлобыстин писали сразу.

— Вы больше кто — режиссер или Гера-коптер из «ДМБ»?

— Это одно и то же.

— А Ванин «особист» из «ДМБ»?

— Ваня как раз в то время был сильно увлечен политикой, особистами. Эта роль вообще была «запасной». Но сюжет с другой ролью «стал колом», пришлось его «убить».

— Критики упрекают авторов «ДМБ», что в вашей комедии «звезды» — Виктор Павлов, Юозас Будрайтис — оказались на ролях второго плана.

— Но на самом деле это было сделано гиперправильно. Это совершенно нормальное сочетание, когда три абсолютно не известных никому артиста играют главные роли и отлично с ними справляются.

— А как вам удалось заткнуть роль отставного генерала, совсем не любящего выпить с призывниками, Владимира Шаинского?

— А чего? Роль абсолютно сочетается с ним. Шаинский совершенно четкий генерал с богатым боевым опытом на нашей эстраде. Возьмите любой ретро-диск с каким-нибудь подбором. В нем 80 процентов занимает Шаинский, а остальные 20 — весь остальной Союз композиторов, который существовал в то время. Он очень живой человек, в таком возрасте мало существу-

ет людей, которых можно пригласить на съемки. И договориться с ним было не трудно.

В лучших традициях жанра у интервьюируемого спрашиваешь о сегодняшних приоритетах. А после получаешь ответ, что «приоритеты возникают сами, как бы из пены бытия. Вы можете считать своим приоритетом катание на лошадях или балетные танцы, ни разу не прокатившись на лошади или ни разу не станцевав на сцене Большого театра»...

— Я бы ни за что на свете не стал бы публично обозначать свои приоритеты. Я бы или наврал, или промолчал. Суеверный я...

— А все-таки?

— Тогда так: монтаж и озвучка «Даун Хауса». Я так думаю, премьера состоится в марте. Уже идут монтаж и озвучивание, наиболее серьезные рифы пройдены, но есть такие технологические процессы, как долби дигитал, печать копий и прочие, которые я не могу сократить во временном отрезке.

— У Охлобыстина, судя по его высказываниям, темы момента — деньги, политика, Чечня, женщины, водка...

— Врет он все. Какие женщины? С женщинами у него все стало значительно проще и правильнее: женщины у него дома. Четыре штуки. Одна большая и три маленькие. Не считая четвертой или четвертого, но об этом история умалчивает. Насчет Чечни и политики сложно сказать, какое Ваня к ним имеет отношение. К водке? Да, отношение имеет. А с деньгами он лежит в параллельных, но крепко пересекающихся плоскостях.

«Мы стоим с камерой на Гор-

бушке, снимаем героя, который покупает гранату, лежащую между кассет, прибегают граждане в штатском и начинают нас арестовывать. Это не настоящая граната, говорю я. А ты, говорит собравшийся народ, чеку с нее сними в знак доказательства. Сами, говорю, снимайте, коли очень хочется, я не рискую. Когда снимаешь кино на натуре, непрерывно что-то происходит. Кино — это сплошной казус».

— И все-таки почему именно Достоевский?

— Я его очень люблю, у него даже не герои, а какие-то куски людей, которые ходят-бродят и никак не могут собраться в одного человека. Читая его, я понимал, что он писал фельетон в очень высоком смысле этого слова на жизнь, на самоощущение человека. Он крепко понимал, что взаимоотношения в обезьяньем стаде, в дочеловеческом периоде, были правильными, когда два самца, не разделив в борьбе самку, убивали ее, чтобы решить вопрос кардинально. Ну и по аналогии — что может быть свежо для нашего времени, чем достоевское сжигание денег?

— «Даун Хаус» был снят через призму вашего отношения к Достоевскому?

— А иначе было невозможно. В произведениях такого масштаба автора спрятать нельзя.

— Может ли наступить в вашей жизни момент, когда все, что хотелось сделать, будет сделано, и возникнет вопрос, а что же далее?

— Из всех дел, которыми я могу заниматься, кино наименее неприятно. А от того, что я устану, сменю фамилию, пол и профессиональную ориентацию, заниматься нельзя...